

ИСЬМО пришло из далекого села. Твердый в своей убежденности, нервный, по всему видно, человек сигнализировал «деревенскому детективу» Анискину о фактах, на которые надо обратить внимание милиции. Конечно, он мог бы и в местных органах власти поднять тревогу, но в интересах дела решил напрямую адресоваться тому, кто, по его мнению, наилучшим образом во всем разберется, потому что знает село, любит людей, многоопытен и справедлив.

— Смотрите, вот она, почта моего Анискина. — И Михаил Иванович Жаров как бы взвешивает на ладони пачку писем из разных концов страны...

А впервые отождествили Михаила Жарова с его героем давным-давно — в 1931-м, после небывалого успеха фильма «Путевка в жизнь», в котором ему досталась роль уголовного Фомки Жигана, типа, прямо противоположного офицеру милиции Анискину. Вот как рассказывает об этом Михаил Иванович в своей книге «Жизнь, театр, кино». Однажды в ночном магазине «я увидел в зеркальной витрине, против которой стоял, как ко мне в карман опустил руку вихрастый паренек лет десяти... Я мог бы взять его за руку, но пожалел — он трясся как осиновый лист... Когда я вышел из магазина, меня кто-то окликнул:

— Товарищ Жаров!

Я оглянулся: в глубине ворот стоял длинный, худой, лет семнадцати, парень, который держал моего вихрастого мальчика за руку.

— В чем дело? — спросил я.

— Вот вам ваши три рубля! Извините его, пожалуйста, — произнес парень сиплым голосом. — Эх ты, зануда! Своих не узнаешь!

Не так уж редко люди воспринимают самого актера как его героя. «Матросу Жарову, — написал Всеволод Вишневский на первом издании «Оптимистической трагедии», — с творческим огнем и уверенностью в его российском таланте». Обратите внимание: не артисту Жарову, исполнившему роль матроса Алексея, а матросу Жарову!

И еще. «Так вот он какой... Меньшиков! Интересно», — задумчиво произнес Алексей Толстой, впервые увидев Жарова в роли Александры на съемках фильма «Петр Первый».

Как ни различны люди, «спутавшие» артиста с образами, созданными им на экране и сцене, все они были заворочены одним — силой таланта, достоверностью увиденного в исполнении Михаила Жарова.

А начинал он, как говорится, с малого. В 1914 году московский театр Зимина, весьма популярный в то время, ставил оперу «Капитанская дочка». Для эпизода, когда пугачевцы нападают на крепость, требовалось

столько очень и очень серьезного, мудрого? Может, и правда, именно тогда, падая за частоколом, открыл для себя великий секрет: достоверность на сцене достигается тем, что не просто изображает актер другого человека, а живет в эти часы его жизнью.

Его учителями и наставниками были Ф. Ф. Комиссаржевский, В. Э. Мейерхольд, А. Я. Таиров. Но внимательный ученик больших мастеров, Жаров тем не

полномочиями инспектировать, инструктировать колхозников. Инструктировал он, как видно из картины, лихо: брал в руку свеклу и с важным видом спрашивал: «Озимая это или яровая?» По законам жанра невежество, чванство, бюрократизм должны быть наказаны. И не удержавшись от смеха, когда инспектор «пожаровски» переносит наказание, отбиваясь на пасеке от роя потревоженных пчел.

— Да, нелегко давались

тана второго ранга Харитона из фильма «За тех, кто в море». Беззаветно преданный Родине и воинскому долгу, командир в моем воображении стал адмиралом, как в реальной жизни генералами и адмиралами стали многие его ровесники, участники Великой Отечественной войны. И коммунисты оказали ему высокое доверие. А вторым, знаете, кого назвал? Федора Ивановича Анискина. Это же общественный деятель нового села, мудрый мастер комплексного подхода к воспитанию, человек высокой партийности. Разве не таких избирают делегатами съездов?

Верно, общественно-партийный облик Федора Анискина в картине раскрыт Михаилом Жаровым до большой глубины. И знания Михаила Ивановича не только по фильмам и спектаклям утверждают, что многие черты Федора Анискина — это черты Жарова, человека высокой гражданственности, коммуниста. Много лет он возглавлял партбюро Малого театра, много раз избирался в Моссовет, много сил отдал воспитанию творческой молодежи, прежде всего — личным примером.

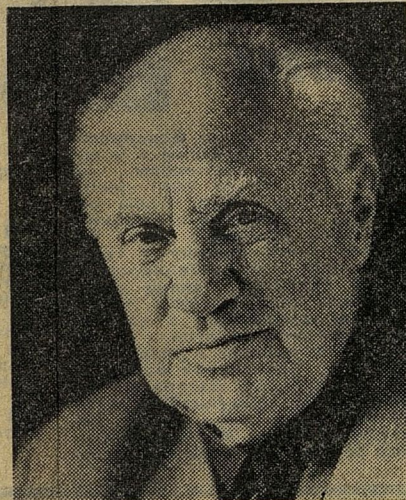
Между «Дорогой к счастью» — историей молодого крестьянина, первой, по определению самого Михаила Ивановича, интересной для него большой работой в кино, и «Деревенским детективом» вместили неутомимый подвижник искусства множество ролей, великолепно сыгранных на сцене и перед объективом кинокамеры. Достаточно вспомнить Алексея в «Оптимистической трагедии», Жигана из «Путевки в жизнь», Кудряша в «Грозе», Дымбу в «Возвращении Максима» и «Выборгской стороне», Меньшикова в «Петре Первом», Гаврилу в «Богдане Хмельницком», Русова в «Секретаре райкома», и вы испытаете чувство огромной благодарности к Герою Социалистического Труда, народному артисту СССР, лауреату Государственных премий — ровеснику нашего века М. И. Жарову.

«Надо постоянно жить для людей, — сказал он однажды. — Это надежная и верная формула жизни». Пример Жарова — свидетельство неиссякаемой, плодотворной силы этой формулы.

К. КОРЕНЕВСКАЯ.

По вашей просьбе

Н Е С Т И Л Ю Д Я М Р А Д О С Т Ъ

много статистов — театр приглашал всех желающих. Тут-то бойкий, вытянувшийся мальчишка и решил попытаться счастья. В театре на него надели башкирский халат, шапку из волчьего меха. Помощник режиссера выдал саблю, нагайку, повел на сцену и сказал: «Сидите вот здесь, за частоколом. Когда я вам махну, поднимитесь во весь рост. А дальше сами увидите, что к чему». Статист занял свое место, наконец-то ему делают знак: вступайте! Только стал высовываться из-за забора, как кто-то с лихим удовольствием хватил его дубинкой. Статист свалился наземь. Больше от него ничего не потребовалось. Вся роль — одна секунда.

— В ту секунду, — уверяет Михаил Иванович, — когда по темечку ткнули, твердо решил — буду артистом!

И не поймешь, шутит он или действительно убежден, что именно в мгновение такой «естественной игры» принял решение, определившее судьбу. По интонациям, по улыбке — вроде бы шутит. Но разве не с теми же неповторимыми интонациями и улыбкой высказал он

менее искал для экрана и театра «самого себя». И нашел. В исключительной способности нести на сцену и экран широту русской природы, жизнелюбие, радостное, праздничное настроение. Нести легко, весело, смело, в каком бы облике не пришлось предстать перед зрителем. Пожалуй, единственный раз — когда играл ненавистного Малюту Скуратова в знаменитом фильме Эйзенштейна «Иван Грозный» — не поделился с палачом Малютой своей чудесной способностью. А вообще-то счастливая эта способность исключала в создании отрицательных образов (а режиссеры подбрасывали их Жарову в изобилии) черную, только черную краску, и герои Жарова получались живыми, невыдуманными, многокрасочными. Они на долгие годы запоминались зрителю.

Недавно по телевидению показывали полувекковой давности комедию «Дон Диего и Пелагея». И не таким уж устаревшим выглядел сыгранный Жаровым сатирический персонаж — бюрократствующий «специалист по сельскому хозяйству» с

мне роли в кинолентах на сельскую тему, — совсем не театрально вздыхает Михаил Иванович. — В этой вот пчелы искушали. Взаправду! Замечательный режиссер Яков Протазанов «липы» не любил. В другой раз снимали «Дорогу к счастью» — стал я в ряд с настоящими деревенскими косарями, пошел. А когда посмотрели отснятый материал, выяснилось, что я не косил, а махал косой — торопился обогнать косарей. Позор! Ночью не сплю, ворочаюсь на душистом сене: из-за меня испорчен съемочный день, понесен убыток. Вдруг кто-то за ногу дергает: «Страдаешь, Миша?» Это был Коля, сын хозяина. «Пойдем, — зовет, — покосим. Научу». Ночь показалась волшебной. Коса, как лунный луч, прорезает траву — научился! А через день — новое: надо с лошастью управлять... Сельские роли... С них начинал, и последняя большая работа в кино тоже сельская — «Деревенский детектив». Как-то меня спросили: «Кого из ваших героев можно было бы представить среди делегатов XXVI съезда партии?» Первым я назвал капи-